

Эдит Мод Халл

ШЕЙХ

настроение читать

Эдит Мод Халл
Шейх
Серия «Настроение
читать (Азбука-Аттикус)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74621086

Шейх: Азбука, Издательство АЗБУКА; СПб; 2026

ISBN 978-5-389-35312-1

Аннотация

Диана Майо молода, красива, богата и независима.

Ее жизнь безоблачна, словно воплощенная мечта, где дни за днями проходят в бесконечной веренице светских удовольствий, а самые завидные женихи Англии смиренно ожидают благосклонного взгляда холодной красавицы. Однако Диана не похожа на других юных леди: она влюблена лишь в спорт и путешествия, а приключения влекут ее сильнее семейной жизни. Шокировав общество, Диана нанимает местного проводника и отправляется в пустыню. Девушку манит свобода, но бескрайние пески приносят ей не свободу, а плен: на второй день Диану похищает шейх Ахмед бен Хасан, и обстоятельства принуждают ее, никому прежде не покорявшуюся, к покорности. Какая судьба ожидает пленницу вдали от родной страны, под властью чужой нестигаемой воли?..

Роман «Шейх» английской писательницы Эдит Мод Халл, впервые опубликованный в 1919 году, имел колоссальный успех, оставаясь одной из самых читаемых книг 1920-х годов; в 1921 году на экраны вышла экранизация с суперзвездой немого кино Рудольфом Валентино в роли шейха Ахмеда.

Содержание

Глава I	7
Глава II	35
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Эдит Мод Халл Шейх

Edith Maud Hull
THE SHEIK

© Н. К. Нестерова, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

настроение читать

Эдит Мод Халл

ШЕЙХ

Глава I

– Леди Конвей, вы пойдете смотреть на танцы?

– Нет, конечно. Я совершенно не одобряю экспедицию, по случаю которой устраивают бал. И считаю, что Диана Майо ведет себя безответственно и неподобающим образом: одним своим намерением поехать в пустыню без спутницы или провожатой своего пола, в обществе туземных слуг и погонщиков верблюдов, она бросает тень не только на свою репутацию, но также на престиж нашей страны. Одна мысль об этом вгоняет меня в краску. Мы, англичане, не можем вести себя за границей столь беспечно. Наши соседи с континента используют любую, самую пустячную возможность, чтобы швырнуть в нас камень. А этот случай пустячным не назовешь. Мне еще не доводилось слышать о таком безумном образчике беспринципной глупости!

– Ну что вы, леди Конвей! Все не так уж плохо. Без сомнения, это неординарно и... кхм... возможно, немного неразумно, но не забывайте, мисс Майо получила не совсем обычное воспитание...

– Я помню о ее необычном воспитании, – перебила собеседника леди Конвей. – Это весьма прискорбно. Но такой скандальной выходке нет оправданий. Когда-то я знала ее мать, а теперь взяла на себя смелость попытаться разубедить Диану и ее брата, но эгоистическое самодовольство сэра Об-

ри подобно броне, которую не пробьет даже кирка. Он считает, что семейство Майо не подлежит критике, а его сестра сама в силах позаботиться о своей репутации. Что до девушки, то она, похоже, просто не осознает всей серьезности положения, ведет себя легкомысленно и довольно грубо. Поэтому я решила умыть руки и не стану удостаивать своим присутствием сегодняшнее увеселительное мероприятие. Я предупредила управляющего, что, если шум продолжится также и в неподобающее время, я завтра же покину отель. – И, закутав плечи шалью, леди Конвей с царственным видом прошла через широкую веранду отеля «Бискара».

Двое мужчин, оставшихся стоять у распахнутых стеклянных дверей в балльный зал, переглянулись и улыбнулись.

– Сколько высокопарности! – сказал один из них с сильным американским акцентом. – Полагаю, вот так и возникают скандалы.

– К дьяволу ваши скандалы! Имя Дианы Майо никогда не было замешано ни в одном из них, – возразил англичанин. – Я знаю эту девочку еще с младенчества. Даже в детстве она отличалась на удивление упрямым характером. И к черту эту старуху! Она смогла бы испортить репутацию даже архангелу Гавриилу, если бы тот спустился на землю, что уж говорить об обычной земной девушке.

– Не совсем обычной, – рассмеялся американец. – Уверен, что Диана Майо должна была родиться мальчиком, но в последний момент все изменилось. Она и выглядит как юноша

в юбке, чертовски хорошенький юноша и чертовски заносчивый, – добавил он, усмехаясь. – Сегодня утром в саду я слышал, как она буквально в порошок стерла одного французского офицера.

Англичанин засмеялся:

– Наверняка тот пытался за ней приударить. Она этого не понимает и не выносит. Диана – самая холодная маленькая рыбка на свете, все мысли, что теснятся в ее головке, исключительно о спорте и путешествиях. Но при этом она умна и очень храбрая. Не думаю, что ей знакомо такое слово, как «страх».

– Семья Майо вообще довольно странная, не так ли? На днях я слышал, как кто-то рассуждал о них. Говорят, ее отец сошел с ума и вышиб себе мозги.

Англичанин пожал плечами.

– Это можно назвать безумием, если вы так пожелаете, – медленно проговорил он. – В Англии я жил неподалеку от дома Майо и знаю их историю. Сэр Джон Майо был страстно предан своей жене, и они сохранили свою любовь даже после двадцати лет брака. Затем на свет появилась эта девочка, а мать умерла при родах. Через два часа после этого ее муж, отец Дианы, застрелился, оставив малютку на попечение брата. Обри в ту пору исполнилось девятнадцать, но он был столь же ленив и самолюбив, как и сейчас. Воспитание сестренки оказалось для него непосильно трудной задачей, и он решил обращаться с ней как с мальчиком. Результат вы

видите сами.

Рассказчик подошел ближе к распахнутым дверям, глядя на ярко освещенный бальный зал, уже заполненный весело общавшимися людьми. На небольшом возвышении около одной из стен зала хозяин и хозяйка вечера принимали гостей. Брат и сестра совершенно не походили друг на друга. Сэр Обри Майо был высоким и худым мужчиной с бледным лицом, подчеркивающим черноту блестящих, гладко зачесанных назад волос и густых усов. Благовоспитанная учтивость его манер сочеталась с вялой скукой на лице. Он казался таким утомленным, что не мог удержать свой монокль и постоянно ронял его. Девушка рядом с ним, напротив, выглядела веселой и оживленной. Среднего роста, очень стройная, с великолепной непринужденной осанкой энергичного и спортивного юноши, она гордо держала свою маленькую головку. Ее насмешливый рот и упрямый волевой подбородок говорили о настойчивости и решительности характера, а взгляд ярких голубых глаз был на удивление ясным и спокойным. Глаза оттеняли длинные загнутые черные ресницы, а темные брови казались особенно яркими под рыжевато-золотистыми локонами волос, коротко остриженных и слегка прикрывавших уши.

– На такой результат не грех посмотреть, – с восхищением проговорил американец в ответ на последнее замечание собеседника.

К ним подошел третий мужчина, он был моложе осталь-

ных.

– Здравствуйте, Арбетнот, – обратился к нему англичанин. – Что-то вы припозднились. Я насчитал не меньше десятка претендентов, изъявивших желание танцевать с этим небесным созданием.

Тусклый румянец разлился по лицу молодого человека, он вздернул голову и сердито сказал:

– Меня подкараулила леди Конвей – что за отвратительная старуха! Хотела высказать мне все про мисс Майо и ее поездку. Ей стоило бы заткнуть кляпом рот. Я думал, она будет болтать до самого утра, и, честно говоря, под конец просто сбежал. Но все же в каком-то смысле я с ней согласен. Почему этот ленивец Майо не может поехать со своей сестрой?

На его вопрос, похоже, никто не знал ответа. Заиграл оркестр, и в середину зала стали выходить пары смеющихся и переговаривающихся людей.

Сэр Обри Майо оставил сестру в обществе нескольких мужчин. В руках она держала бальную книжку, но велела кавалерам удалиться, слегка улыбнувшись и решительно покачав головой.

– Похоже, события разворачиваются стремительно, – заметил американец.

– Не желаете попытать удачу? – спросил у него англичанин, самый старший в компании.

Американец откусил кончик сигары и усмехнулся.

– Определенно нет. Заносчивая юная леди отвергла меня как партнера по танцам еще в самом начале нашего знакомства. Я не виню мисс Майо, – добавил он с грустным смехом, – но ее чистосердечность до сих пор не дает мне покоя. Она откровенно заявила, что не видит пользы в американце, который не умеет ни ездить верхом, ни танцевать. Я очень мягко дал ей понять, что в Штатах мужчины не только гоняют скот и танцуют в кабаре, но она одарила меня таким ледяным взглядом, что я предпочел сразу же исчезнуть. Правда, впоследствии сэр Эгоистическое Самодовольство попытался наладить со мной общение, и меня это устроило намного больше. Если вы научитесь мириться с его особенностями, то поймете, что в душе он неплохой малый, к тому же азартный человек. Мне нравится играть с ним в карты. Ему совершенно все равно, проигрывает он или выигрывает.

– Это действительно не так важно, когда у вас с ним примерно одинаковый банковский счет, – заметил Арбетнот. – Лично я нахожу танцы более увлекательным и менее затратным занятием. Пойду попытаю счастья с хозяйкой бала.

Его взгляд устремился в конец зала, где девушка, прямая и стройная, стояла в одиночестве, и свет электрической люстры скользил по ее густым блестящим локонам, обрамлявшим красивое надменное личико. Она рассеянно смотрела со своего возвышения на танцующих, как будто мысли ее были где-то далеко от этого людного бального зала.

Американец со смешком подтолкнул Арбетнота вперед:

– Летите, глупый мотылек, опалите свои маленькие крылышки. Когда жестокая красавица растопчет вас, я приду, чтобы собрать ваши останки. Но если вдруг ваша отвага принесет вам заслуженный успех, позже мы отметим это должным образом.

С этими словами, взяв англичанина под руку, он увел его в игорную комнату.

Арбетнот вошел через стеклянные двери и стал медленно продвигаться вдоль зала, держась поближе к стене, уворачиваясь от танцующих пар и пробираясь сквозь отдельные группы беседующих мужчин и женщин разных национальностей. Наконец он подошел к помосту, на котором все еще стояла в одиночестве Диана Майо, преодолел несколько ступенек и оказался около нее.

– Какая удача, мисс Майо, – проговорил он с напускной уверенностью. – Неужели мне настолько повезло, что я застал вас свободной, без партнера?

Диана медленно повернулась к нему, и между двумя изогнутыми бровями возникла маленькая складка, точно несвоевременное появление молодого человека отвлекло ее от размышлений, но затем она искренне улыбнулась ему.

– Я сказала, что пойду танцевать только после всех остальных, – с сомнением произнесла девушка, разглядывая заполненный людьми зал.

– Все уже танцуют. Вы с честью исполнили свой долг хозяйки бала. Да и жалко пропускать такую прекрасную мело-

дию, — продолжал настаивать Арбетнот.

Диана задумчиво постучала по зубам карандашом, которым делала записи в свою бальную книжку.

— Я отказала многим мужчинам, — с гримасой объявила она. И вдруг рассмеялась. — Ну да ладно, пойдемте. Я известна своими дурными манерами. Что ж, добавим к ним еще один грешок.

Арбетнот танцевал хорошо, но, обнимая эту девушку, словно бы разом утратил все свое красноречие. Они сделали несколько кругов по залу, затем одновременно остановились перед раскрытыми стеклянными дверями, вышли в сад отеля и сели в плетеные кресла под пестрым японским фонарем. Оркестр продолжал играть; в эту минуту в саду, слабо освещенном раскрашенными фонариками, которые свисали с пальм, и мерцающими вдоль извилистых тропинок огнями, никого больше не оказалось.

Арбетнот наклонился вперед, зажав ладони между коленями.

— Я не встречал еще никого, кто танцевал бы столь же изумительно, как вы.

Мисс Майо посмотрела на него серьезно, без тени смущения.

— Легко танцевать, когда у вас музыкальный слух и вы привыкли добиваться от своего тела того, что вам хочется. Мне кажется, мало кто знает, как заставить свои руки и ноги слушаться. Мои же делают все, что им велят, еще с тех пор, ко-

гда я была ребенком, – спокойно ответила она.

Ответ прозвучал настолько неожиданно, что Арбетнот замолчал на несколько минут, а сидевшая рядом девушка, похоже, не спешила эту тишину нарушить. Танец закончился, и ненадолго сад заполнился людьми. Затем гости вернулись в отель, и оркестр заиграл снова.

– Здесь довольно весело, – робко заметил Арбетнот.

Его сердце билось необычайно быстро, а в глазах, которые он не сводил со своих сжатых рук, появилось алчущее выражение.

– Хотите сказать, вы не против просидеть весь этот танец здесь, со мной? – спросила она с мальчишеской прямоотой, отчего Арбетнот растерялся еще сильнее.

– Д-да, – глупо запинаясь, согласился он.

Диана поднесла свою бальную книжку к фонарю.

– Этот танец я обещала Артуру Конвею. Мы с ним спорим при каждой встрече. Даже не знаю, зачем Артур меня пригласил, ведь он осуждает меня даже больше, чем его мать – та назойливая старая леди. Он лишь обрадуется, если его освободят от этих обязательств. А я сегодня не хочу танцевать. Поскорее бы наступил завтрашний день! Я останусь и поговорю с вами, но сначала дайте мне сигарету, чтобы я немного успокоилась.

Его рука дрожала, когда он подносил к ней спичку.

– Вы так серьезно настроены отправиться в это путешествие?

Диана посмотрела на него с удивлением:

– Почему бы и нет? Я все подготовила заранее. Не буду же я менять свое решение в последний момент?

– Зачем брат отпускает вас одну? И почему сам не едет с вами? О, я не имею права это спрашивать, но все равно хочу знать, – неожиданно горячо выпалил молодой человек.

Она с усмешкой пожала плечами:

– Мы с Обри поругались. Он намеревается ехать в Америку, а я – путешествовать по пустыне. Мы проспорили целых два дня и половину ночи и наконец нашли компромисс. Я поеду в пустыню, а Обри – в Нью-Йорк. В качестве жеста братской признательности за мое обещание по истечении месяца приехать к нему в Штаты он согласился сопровождать мой караван в начале пути и благословить меня в дорогу. Его ужасно раздражает, что он не может приказать мне ехать с ним, ведь впервые за все время наших странствований мы выбрали разные маршруты. Несколько месяцев назад я достигла совершеннолетия и теперь могу делать что захочу. Впрочем, я и раньше так поступала, – призналась Диана и снова рассмеялась, – просто до этого момента нам с Обри всегда было по пути.

– Но всего один месяц! Какая ему разница? – удивленно спросил Арбетнот.

– Это же Обри, – с насмешкой ответила мисс Майо.

– Но это небезопасно, – продолжал стоять на своем ее собеседник.

Диана небрежно смахнула пепел с сигареты.

– Тут я с вами не соглашусь. Не понимаю, почему все так распереживались. Многие женщины путешествуют и в более дикие места, чем эта пустыня.

Арбетнот посмотрел на нее с удивлением: Диана, кажется, совершенно не осознавала, что ее юность и красота делали предстоящее путешествие таким опасным. Но решил прибегнуть к более безобидному объяснению.

– Похоже, среди местных племен начались волнения. В последнее время об этом ходит много слухов, – серьезным тоном сказал он.

Мисс Майо раздраженно взмахнула рукой:

– Ой, так всегда говорят, когда пытаются возвести препятствие у вас на пути. Представители власти уже пугали меня этими страшилками. Я попросила предоставить факты, но они отделывались лишь утверждениями общего характера. Я спросила, есть ли у них полномочия помешать мне. Они ответили, что нет, однако настоятельно рекомендовали не предпринимать таких попыток. Я заявила, что все равно поеду, если только французское правительство не арестует меня... И почему бы нет? Я не боюсь. Считаю, что бояться совершенно нечего. Не верю ни одному слову про волнения среди племен. Просто арабы постоянно кочуют, ведь так? У моего каравана прекрасный погонщик, за которого готовы поручиться даже местные власти, и я буду вооружена. Я могу защитить себя. Метко стреляю и привыкла к жизни в лагере.

Кроме того, я пообещала Обри прибыть в Оран через месяц, а за это время я просто не успею уехать далеко.

В звонком голосе Дианы слышалось упрямство, и, когда она замолчала, Арбетнот не произнес ни слова, охваченный тревогой, потрясенный красотой девушки и изнывающий от желания признаться ей в этом. Затем он внезапно повернулся к ней, и его лицо необычайно побледнело.

– Мисс Майо... Диана... отложите вашу поездку совсем ненадолго и позвольте мне сопровождать вас. Я вас люблю. И больше всего на свете хочу, чтобы вы стали моей женой. Я не всегда буду бедным младшим офицером. Однажды я смогу обеспечить вас положением, которого вы достойны... нет, это вряд ли, но, по крайней мере, мне не стыдно будет сделать вам предложение. Мы были хорошими друзьями, вы все обо мне знаете. И я готов посвятить всю свою жизнь тому, чтобы сделать вас счастливой. С вашим появлением мой мир преобразился. Теперь вы всегда со мной. В моих мыслях днем и ночью. Я вас люблю, я вас желаю. Боже мой, Диана! Ваша красота сводит мужчин с ума!

– Неужели мужчине от жены нужна только ее красота? – спросила она с холодным недоумением в голосе. – Мне кажется, куда разумнее обратить внимание на такие качества, как ум и здоровое тело.

– Но когда женщина обладает и тем, и другим, и третьим, как вы, Диана... – страстно прошептал он, накрывая ладонями ее маленькие ручки, лежащие у нее на коленях.

Однако Диана, с невероятной для такого миниатюрного телосложения силой, высвободила их.

– Прощу вас, прекратите. Извините, Арбетнот. Мы были хорошими друзьями, и мне никогда даже в голову не приходило, что между нами возможно нечто большее. Я и не думала, что вы меня полюбите. Не представляла вас в такой роли, мне этого просто не понять. Когда Господь создавал меня, Он не дал мне сердца. Ни разу в жизни я никого не любила. Мы с братом терпим друг друга, но не испытываем никаких нежных чувств. Да и откуда бы им появиться? Поставьте себя на место Обри. Вообразите себе молодого человека девятнадцати лет от роду, холодного и сдержанного, на которого внезапно взвалили заботу о маленькой сестренке, буквально всучили ее ему в руки, неожиданную и нежеланную. Мог ли он проникнуться ко мне привязанностью? Я никогда этого не хотела. Я родилась такой же холодной, как и он. Меня воспитывали как мальчика, я много и усердно занималась. В моей жизни не было места эмоциям и увлечениям. Я не знаю, что это такое, и знать не желаю. Меня вполне устраивает текущее положение вещей. Брак для женщины означает конец ее независимости, я имею в виду брак с настоящим мужчиной. И не важно, что говорят по этому поводу современные женщины. Я никогда никому не подчинялась и даже не собираюсь пробовать в качестве эксперимента. Мне очень жаль, что я причиняю вам обиду. Вы были чудесным приятелем, но любовь... эта сторона жизни для

меня не существует. Если бы я хоть на минуту задумалась о том, что моя дружба может доставлять вам боль, то не стала бы так с вами сближаться, но эта мысль не приходила мне в голову. Мужчины для меня – просто компаньоны для верховых прогулок, охоты и рыбалки. Приятели, товарищи, но ничего более. Господь создал меня женщиной. И лишь Ему одному ведомо, по какой причине.

Ее тихий, ровный голос замолк. В нем звучала такая спокойная искренность, что Арбетнот поневоле все понял. Диана и в самом деле так думала. Она сказала ему чистую правду. О ее полном равнодушии к восторгу поклонников и об отношении к мужчинам все знали так же хорошо, как и о бесстрашии и упрямой решимости. С сэром Обри Майо она вела себя как младший брат, что очень забавляло его друзей. Диана умела завоевать расположение любого, даже матерей дочек на выданье – ведь, несмотря на богатство и красоту, из-за пресловутых особенностей своего характера она не составляла конкуренцию девушкам с куда более скромной внешностью и приданым.

Арбетнот сидел молча. Он с горечью думал, что ему вряд ли стоит на что-то рассчитывать там, где потерпели поражение другие мужчины, намного достойнее его. Он поступил глупо, поддавшись искушению. Он слишком хорошо знал Диану и мог заранее предположить, какой она даст ответ. Страх за ее безопасность, вызванный предстоящей экспедицией, ее близость в атмосфере загадочной восточной ночи,

огни, музыка – из-за всего этого с его губ и сорвались слова, которые он ни за что не произнес бы, если бы находился в трезвом уме. Он любил эту девушку и всегда будет любить, но понимал, что его любовь не только бессмертна, но и безнадежна. Что касается Дианы, то она просто хотела дружить с настоящими мужчинами, а значит, ему придется проглотить эту горькую пилюлю, как и подобает представителю сильного пола.

– Диана, я могу и дальше оставаться вашим другом? – тихо спросил Арбетнот.

Она бросила на него короткий взгляд, а он поймал его в слабом свете висячих фонарей и не отвел глаз. Тогда она честно протянула ему руку.

– Я буду только рада, – искренне сказала Диана. – У меня много знакомых, но совсем мало друзей. Мы всегда в разъездах. Нам с Обри, похоже, просто некогда завести себе друзей. Мы редко задерживались на одном месте так долго, как теперь в Бискре. В Англии нас считают совсем плохими соседями – слишком редко мы бываем дома. Обычно приезжаем месяца на три зимой, чтобы поохотиться, а остальное время путешествуем по земному шару.

Он на мгновение сжал ее тонкие пальцы, подавив безумное желание прижать их к своим губам, понимая, насколько фатально это может сказаться на их новообретенной дружбе, а затем отпустил их. Мисс Майо по-прежнему молча сидела рядом с ним. Произошедший разговор совершенно не потре-

вожил ее. Она приняла его слова за чистую монету, выполнила его просьбу и отнеслась как к другу. Ей даже не пришло в голову избавить Арбетнота от своего общества, как не понимала она и того, что ее дальнейшее присутствие здесь могло его расстроить. Диана держалась совершенно непринужденно и раскованно. И пока они молча сидели рядом, пока ее мысли были где-то далеко, в пустыне, а его – полны тщетных желаний и сожалений, в ночной тишине зазвучал низкий мужской голос.

– О бледные руки, что любил я в садах Шалимара... Где вы теперь? На кого наложили заклятье свое? – выводил он страстным, вибрирующим баритоном.

Незнакомец пел по-английски, но слегка нечетко произносил звуки, отчего складывалось впечатление, что песня исполняется на иностранном языке.

Диана Майо наклонилась вперед, подняла голову и внимательно слушала с сияющими глазами. Голос, вероятно, доносился из густой тени в конце сада или от дороги, проходившей за живой изгородью из кактусов. Певец исполнял свою песню протяжно, нежно растягивая слова; последний куплет прозвучал ясно и негромко, почти неуловимо растворяясь в тишине.

Наступило мгновение абсолютного безмолвия, а затем Диана со вздохом откинулась на спинку кресла:

– Это кашмирская песня. Она навевает воспоминания об Индии. В прошлом году я слышала, как один мужчина пел ее

в Кашмире, но не так красиво. Какой чудесный голос! Интересно, кто он?

Арбетнот взглянул на девушку с недоумением, удивленный внезапным интересом, прозвучавшим в ее голосе, и таким же неожиданным оживлением, отразившимся у Дианы на лице.

– Вы говорили, что не склонны к проявлению эмоций, но песня незнакомого мужчины так сильно взволновала вас. И как же одно сочетается с другим? – почти сердито спросил он.

– Можно ли считать эмоцией умение ценить красоту? – возразила она, подняв глаза. – Конечно же нет. Музыка, живопись, природа – меня привлекает все прекрасное. Только это нельзя назвать проявлением эмоций. Я всего лишь предпочитаю красивое уродливому. Поэтому мне нравятся хорошенькие платья, – со смехом добавила она.

– Вы самая нарядная девушка во всей Бискре, – согласился Арбетнот. – Но разве подобным образом вы не потакаете своим женским наклонностям, которые так презираете?

– Вовсе нет. Интерес к моде не только женская слабость. Мне нравятся красивые платья. Признаюсь, я трачу некоторое время, чтобы подобрать одежду, подходящую по цвету к моим ужасным волосам, но поверьте, моей портнихе живется намного легче, чем портному Обри.

Она замолчала, надеясь, что певец еще не ушел, но больше не услышала ничего, кроме стрекотания цикады непода-

леку. Повернувшись, девушка посмотрела в ту сторону, откуда доносились эти звуки.

– Только послушайте, как заливается эта веселая малышка! Когда я приезжаю в Порт-Саид, первым делом слышу именно цикад. Для меня они – воплощение Востока.

– Надоедливые маленькие твари, – раздраженно проворчал Арбетнот.

– Следующие четыре недели эти маленькие твари будут моими друзьями... Вы не представляете, что значит для меня это путешествие! Я обожаю дикие места. Самые счастливые моменты своей жизни я провела в палатке в Америке и в Индии, но еще больше мне всегда хотелось побывать в пустыне. Впереди меня ждет целый месяц абсолютной радости. Я буду невероятно счастлива.

Она встала с легким довольным смехом, повернулась вполоборота и подождала Арбетнота. Тот неохотно поднялся и некоторое время молча стоял перед ней.

– Диана, как же мне хочется хотя бы раз вас поцеловать, – наконец жалобно признался он.

Диана тут же подняла блестящие от возмущения глаза и покачала головой:

– Нет. Мы так не договаривались. Меня никогда еще в жизни не целовали. Это один из тех моментов, которые я совершенно не понимаю, – сказала она почти с яростью в голосе.

Ленивой походкой девушка направилась к отелю, а Ар-

бетнот пошел рядом, раздумывая, не лишится ли ее дружбы из-за своей несдержанности, но на веранде Диана замедлила шаг и заговорила с той товарищеской искренностью, с которой всегда обращалась к нему:

– Увидимся утром?

Арбетнот все понял. Больше не будет никаких упоминаний о том, что произошло между ними. Предложение дружбы оставалось в силе, но только на ее условиях. Он собрался с духом:

– Да. Мы все устроили, первые несколько миль вас будут сопровождать с дюжину человек с почестями.

Диана рассмеялась и возмущенно махнула рукой.

– После таких проводов мне точно не помешают четыре недели одиночества, чтобы утихомирить самомнение, – беззаботно сказала она, возвращаясь в бальный зал.

Несколько часов спустя Диана вошла в свою спальню, включила электрическое освещение и бросила перчатки с бальной книжкой в кресло. В комнате никого не было: бедная горничная едва не потеряла сознание, когда ей предложили сопровождать госпожу в пустыню, после чего девушку отослали в Париж ждать возвращения Дианы. Она уехала днем, забрав с собой почти весь тяжелый багаж.

Диана остановилась посредине комнаты и с легкой довольной улыбкой отметила, что к завтрашнему раннему отъезду все готово. Все складывалось замечательно, последние приготовления завершились еще несколько дней назад. Ка-

раван из верблюдов с полевым снаряжением должен покинуть Бискру за несколько часов до того времени, когда брат и сестра Майо тронутся в путь в сопровождении Мустафы Али – надежного проводника: его, пускай и неохотно, рекомендовали представители французских властей. Два больших чемодана, которые Диана собиралась взять с собой, стояли открытые, но уже собранные, и ждали, пока в них положат еще парочку несессеров. Рядом с ними возвышался сундук – сэр Обри собирался забрать его и завезти по пути в Париж. На кушетке лежал костюм для верховой езды, который Диана наденет утром. Девушка улыбнулась еще шире, когда посмотрела на изящные бриджи и высокие коричневые сапоги: в такой одежде она проводила большую часть своей жизни и чувствовала себя в ней намного свободнее, чем в хороших платьях, по поводу которых шутила в разговоре с Арбетнотом.

Диана радовалась, что танцы закончились, – такие упражнения ее не особенно привлекали. Все мысли девушки были о предстоящем путешествии. Потянув руки, она тихо рассмеялась:

– Путешествия – самое замечательное, что есть в жизни, и завтра утром начнется одно из них. – Она подошла к туалетному столику, облокотилась на него, посмотрела на себя в зеркало с легкой дружелюбной улыбкой, совершенно не думая о той красавице, которая глядела на нее. О своей внешности Диана почти не говорила, разве что иногда сожалела,

что противный цвет волос доставляет ей столько хлопот. Теперь же она смотрела на себя с некоторым любопытством. — Интересно, почему я сегодня вечером такая особенно счастливая? Наверное, потому, что провела в Бискре слишком много времени. Сначала здесь было очень весело, но потом я заскучала.

Диана снова засмеялась и взяла свои часы, чтобы завести их. Одна из ее особенностей заключалась в том, что она не носила никаких украшений. И даже у золотых наручных часов был простой кожаный ремешок.

Девушка медленно разделась, понимая, что спать ей совсем не хочется. Накинув на пижаму тонкий халатик, она закурила сигарету и вышла на широкий балкон гостиничного номера.

Комната располагалась на втором этаже, и напротив окна возвышалась одна из украшенных витиеватой резьбой колонн, которые поддерживали балкон третьего этажа у нее над головой.

Диана посмотрела на сады внизу и с мальчишеской усмешкой подумала, что спуститься туда будет совсем не сложно — гораздо проще многих ее успешных вылазок, которые она совершала, когда возникало желание прогуляться в одиночестве. Но на Востоке гулять в одиночестве не очень удобно: туземные слуги имеют странную привычку ложиться и засыпать там, где их охватит дремота, и еще совсем недавно, тихонько спустившись с балкона, Диана спрыгнула пря-

мо на кучу тряпья, оказавшуюся спящим человеком, и тот своими криками разбудил половину отеля.

Она еще сильнее наклонилась над перилами, пытаясь разглядеть веранду внизу, и ей показалось, что там мелькнула белая ткань. Присмотрелась повнимательнее, но ничего больше не заметила. Тогда, скорчив легкую гримасу, девушка покачала головой, взобралась на широкий поручень перил, устроилась поудобнее, прижавшись спиной к колонне, уставилась в ночную даль, простиравшуюся за садами отеля, и стала тихо напевать кашмирскую песню, которую услышала этим вечером.

Взошла полная луна, ее холодный, яркий свет наполнил сад черными тенями. Диана заметила, что некоторые из них как будто даже двигались, словно в саду ожили какие-то странные фигуры. Они быстро и крадучись пробирались сквозь него. Диана развлекала себя тем, что пыталась отследить, куда ведет та или иная тень, и обычно это оказывались пальма или кактус. Одну из таких теней она изучала достаточно долго, пока не обнаружила ее источник – выяснилось, что тень отбрасывала голова причудливой статуи, наполовину скрытой в цветущем кустарнике. Забыв о том, какой теперь час и что окна вокруг открыты, девушка разразилась громким смехом, который прервался, когда за решетчатой перегородкой между балконами Дианы и соседнего номера возникли смутные очертания фигуры и раздраженный голос произнес:

– Диана, ради всего святого, дай поспать другим, если сама не можешь!

– Иными словами, дай поспать сэру Обри Майо, – со смехом ответила она. – Мой милый мальчик, спи, если хочешь, а я не представляю, как можно спать в такую ночь! Ты когда-нибудь видел столь великолепную луну?

– Это же просто чертова луна!

– Ну хорошо. Не сердись. Ложись спать, накройся одеялом с головой, и ты ее точно не увидишь. А я собираюсь сидеть здесь.

– Диана, не будь идиоткой! Ты уснешь, упадешь в сад и сломаешь себе шею.

– Tant pis pour moi. Tant mieux pour toi¹, – легкомысленно отозвалась она. – Дорогой братец, я оставлю тебе все, чем владею на этом свете. Моя преданность тебе безгранична.

Она не обратила внимания на его раздраженный возглас и снова посмотрела в сад. Ночь стояла чудесная, тишину нарушало только монотонное стрекотание цикад, а воздух был пропитан ощущением необъяснимой тайны – неизменной спутницы всех ночей на Востоке. Диану окружали восточные ароматы: здесь, как и у нее на родине, по ночам запахи становились острее. Дома она часто стояла на маленьком каменном балконе за окном своей комнаты и упивалась этими ночными запахами: терпким ароматом мокрой земли после дождя и сосен, окружающих дом. Эти запахи, опья-

¹ Тем хуже для меня. Тем лучше для тебя (фр.). – Здесь и далее примеч. перев.

нявшие по ночам, заставили ее, еще маленькую девочку, в первый раз спуститься с балкона, цепляясь за толстые корни плюща, и бродить по залитому лунным светом парку и прилегающему к нему мрачному лесу, радуясь своей шалости. Она всегда отличалась удивительным бесстрашием.

Ее детство было довольно странным. У Дианы не осталось близких родственников, готовых проявить участие к судьбе осиротевшей девочки, оказавшейся на попечении брата почти на двадцать лет старше ее, брата, который даже не скрывал своего ужаса от возложенной на него ответственности. Сэр Обри беспокоился только о себе и свободно предавался своей страсти к путешествиям, поэтому забота о младшей сестре стала для него непосильным бременем, и он постарался переложить ответственность на других, как можно меньше утруждая себя.

Первые годы своей жизни девочка находилась на попечении слуг, которые баловали малышку и потакали ей во всем. Затем, когда сэр Обри Майо вернулся из долгого путешествия и пару лет провел дома, он занялся образованием своей малютки-сестры, взяв за строгий образец свое собственное воспитание. Диану одевали как мальчика и обращались с ней соответствующим образом, ее учили ездить верхом, стрелять и ловить рыбу – и не для развлечения, а со всей серьезностью, чтобы впоследствии она могла стать компаньоном для мужчины, которого интересовали только эти занятия. Вечно скучающий вид сэра Обри был лишь позой.

В действительности он обладал нестигаемой волей и считал, что и Диана тоже должна вырасти сильной и решительной. Поэтому ее воспитание можно было назвать спартанским, и ради достижения результата она не получала никаких послаблений из-за своего пола или темперамента.

Диана с самого начала с готовностью отвечала всем требованиям брата, душой и телом устремившись в ту полную испытаний и трудностей жизнь, которая была ей уготована. Единственной преградой, не позволявшей девочке до конца насладиться такой жизнью, стала учеба, но даже она давалась ей без труда.

Каждое утро Диана скакала на лошади через парк в дом приходского священника, где два часа посвящала занятиям. Самого священника гораздо больше интересовала его конюшня, чем собственная паства, и, несмотря на свою известность в округе, особых успехов за кафедрой он не достиг. Методы обучения у него были простыми, но эффективными, и смысленная Диана быстро усвоила множество самых разных знаний. Но когда ей исполнилось пятнадцать, обучение прекратилось резко и неожиданно, после того как в доме приходского священника стал появляться один великовозрастный балбес. Его прислал отчаявшийся родитель, увидевший в физически крепком слуге церкви последнюю надежду. Новый ученик быстро обнаружил то, что почти не осознавали люди, среди которых выросла Диана Майо: несмотря на одежду и манеры юноши, в действительности

она была на редкость красивой молодой девушкой. С уверенностью, присущей такому типу людей, балбес предпринял первые попытки сообщить ей об этом, а затем и добиться поцелуя, тем более что благодаря привлекательной внешности вплоть до того момента не знал отказа. Однако на этот раз он столкнулся с девушкой, которая родилась таковой лишь по воле случая, да к тому же оказалась проворнее и лучше его выучена, а неистовая ярость придала ей еще больше сил. Не успел наглец опомниться, как Диана подбила ему глаз, наскაკивая на него, словно рассерженный бойцовский петух, пока их не разнял услышавший шум священник.

Закончив начатое Дианой дело, он, задыхаясь от ярости, поскакал вместе с ней через парк и без обиняков заявил сэру Обри, который совершенно случайно находился дома в один из своих редких визитов, что его ученица стала слишком взрослой и слишком хорошенькой, а потому не может больше обучаться в его доме. После этого священник так же поспешно ускакал прочь, предоставив сэру Обри самому искать выход из нового затруднения, связанного с Дианой. Как и прежде, тот избрал самый легкий из возможных способов. Физически его сестра прекрасно могла справиться с ролью, к которой он всегда ее готовил; что до ее умственного развития, то здесь сэр Обри решил, что она усвоила уже достаточно знаний, к тому же путешествия сами по себе способствуют образованию, причем намного лучше, чем любые книги. Итак, Диана повзрослела за один день, а через две недели

прежняя жизнь осталась позади, и начались нескончаемые путешествия вместе с братом, которые продолжались на протяжении следующих шести лет, полные беспрестанных перемен, волнений и опасностей.

Сейчас Диана думала обо всем этом, сидя на широких перилах балкона и прислонив голову к колонне, на которую опиралась спиной.

– Это была чудесная жизнь, – тихо проговорила девушка, – и завтра... точнее, уже сегодня начнется самая изумительная ее часть.

Она зевнула и вдруг поняла, что отчаянно хочет спать. Вернувшись в комнату, оставила окно широко открытым, сняла халат, рухнула в кровать и уснула раньше, чем ее голова коснулась подушки.

Примерно час спустя Диана вдруг резко и внезапно пробудилась. Лежа неподвижно, осторожно осмотрелась из-под густых ресниц. В комнату струился лунный свет, и она не увидела ничего необычного, но ясно ощутила чье-то присутствие. Еще не до конца проснувшись, пребывая в полузабытьи, Диана увидела, как в окне исчезает чья-то тень. И когда эта мысль окончательно проникла сквозь пелену сна, приглушающего разум, и сформировалась в конкретное предположение, девушка вскочила и выбежала на балкон. Там никого не оказалось. Диана перегнулась через перила, прислушалась, но ничего не увидела и не услышала. В замешательстве она вернулась в комнату и включила свет. Ничего не

пропало: ее часы лежали на туалетном столике, где она их оставила, да и в чемоданах, судя по всему, никто не рылся. Около кровати на своем обычном месте покоился револьвер с рукояткой из слоновой кости, который она всегда носила с собой. Она снова осмотрела комнату и нахмурилась.

– Наверное, мне приснилось, – с сомнением произнесла Диана. – Но все казалось таким реальным. Что-то высокое, белое, осязаемое. Я почувствовала это.

Девушка подождала пару минут, затем пожала плечами, выключила свет и снова легла в кровать. Ее хладнокровие было достойно восхищения – уже через пять минут она снова уснула.

Глава II

Обещанные проводы прошли с большим энтузиазмом. Подготовка к путешествию была проведена безупречно, не возникло ни одного затруднения. Проводник Мустафа Али проявил себя как человек способный и деятельный, он умел держаться в стороне, когда в его услугах не возникало необходимости, и отвечал вежливо и с достоинством, если к нему обращались с вопросом.

День выдался интересным и долгим, Диана с огромным удовольствием скакала на коне под горячим солнцем. Часом ранее они добрались до оазиса, где собирались расположиться на свой первый ночлег, и обнаружили, что лагерь уже разбит, палатки поставлены и во всем виден такой порядок, что сэр Обри просто не смог найти повода для критики, и даже Стивенс – его слуга, который путешествовал вместе с ним еще с тех пор, когда Диана была ребенком, и подходил к обустройству лагеря с такой же щепетильностью, как и его господин, – не обнаружил ни одного недостатка.

Диана с довольным видом осмотрела свою походную палатку. Она оказалась меньше тех, к которым привыкла девушка, – просто смехотворно маленькой в сравнении с тем шатром, что был у нее в Индии в прошлом году, с отдельной ванной и гардеробной. К тому же в Индии их окружало множество слуг. Нынешняя обстановка не отвечала ее обычным

требованиями, но она сама захотела обойтись без сложной, детальной подготовки, столь любимой Обри, и пожить в относительной простоте. Узкая раскладушка, жестяная ванна, раскладной столик и два ее чемодана, казалось, заполнили собой все пространство. Но Диана только посмеивалась над этими стесненными условиями, даже после того, как забрызгала свою кровать и уронила мыло в один из своих высоких сапог.

Диана переоделась, сменив костюм для верховой езды на облегающее платье из шелка цвета зеленого нефрита, подол которого спадал до ее стройных лодыжек, а вырез был достаточно глубоким, чтобы продемонстрировать белизну девичьей груди. Она вышла из палатки и задержалась ненадолго, обменявшись веселыми улыбками со Стивенсом, застывшим неподалеку в нерешительности и глядевшим то на нее, то на своего господина. Она опаздывала к ужину, а сэр Обри предпочитал принимать пищу строго по часам. Баронет сидел, развалившись на одном шезлонге и положив ноги на другой.

Диана предостерегающе погрозила слуге пальцем:

– Ступайте, Стивенс, принесите суп! Если он окажется холодным, поднимется такой шум!

Она остановилась на краю брезентового полотнища, расстеленного перед палатками, наслаждаясь видом окрестностей. Ее глаза с восторгом рассматривали лагерь, разбитый посреди оазиса из пальм, пустыню, чьи песчаные барханы

сглаживал вечерний свет, и темные пятна далеких холмов на горизонте.

Диана глубоко вздохнула. Наконец-то она оказалась в пустыне, куда мечтала попасть всю свою жизнь. До этого момента она даже не знала, насколько сильно это желание. Здесь она удивительным образом чувствовала себя как дома; казалось, эта безмолвная, бескрайняя пустота ждала встречи с ней с таким же нетерпением и теперь, когда Диана наконец-то появилась, тихо приветствовала ее едва слышным шепотом шуршащего песка и загадочным очарованием зыбких, изменчивых форм, которые манили все дальше и дальше навстречу неизведанному.

Голос брата внезапно вернул ее на бренную землю:

– Ты чертовски долго заставляешь себя ждать!

Диана повернулась к столу с легкой улыбкой на губах:

– Обри, не злись. У тебя же все замечательно. Под рукой всегда есть Стивенс, который намылит тебе подбородок и помоеет руки, а вот мне приходится самой о себе заботиться. И все из-за этой идиотки Мари!

Сэр Обри лениво снял ноги со второго шезлонга, выбросил сигару, с особой яростью вставил в глаз монокль и неодобрительно посмотрел на сестру.

– Ты собираешься наряжаться так каждый вечер на радость Мустафе Али и погонщикам верблюдов?

– Я не думала приглашать достопочтенного Мустафу обедать вместе со мной и не имею привычки «наряжаться», как

ты сейчас любезно выразился, для кого бы то ни было. Если же ты считаешь, что я переоделась после приезда в лагерь, чтобы порадовать тебя, мой дорогой Обри, то ты себе сильно льстишь. Я делаю это исключительно для себя самой. Та путешественница, с которой мы познакомились в Лондоне в первый год, когда я еще только начала ездить с тобой, объяснила мне, насколько полезно – и с моральной, и с физической точки зрения – переодеваться в удобную, красивую одежду после тяжелого дня, проведенного в бриджах и сапогах. Ты, кстати, и сам переоделся. Так что какая разница?

– Разница огромная! – резко бросил он. – Не стоит делать себя еще привлекательнее, чем ты есть.

– И когда это ты вдруг осознал, что я привлекательна? Обри, ты, вероятно, перегрелся на солнце, – ответила девушка, приподняв брови и с нетерпением стуча пальцем по столу.

– Прекрати это словоблудие. Ты прекрасно знаешь, насколько красива – слишком привлекательна для этой абсурдной затеи.

– Может, объяснишь, на что ты сейчас намекаешь? – тихо спросила она, глядя в лицо брата, и ее синие глаза потемнели.

– Сегодня, Диана, я много и серьезно размышлял. Ты не можешь отправиться в это путешествие.

– Не слишком ли поздно ты пришел к этому выводу? – с сарказмом перебила его Диана, но Обри не обратил на ее замечание никакого внимания.

– Теперь, столкнувшись со всем этим лично, ты должна понять, что подобное невозможно. Просто немыслимо, чтобы следующий месяц ты путешествовала по пустыне одна с этими чертовыми черномазыми. И хотя в прошлом сентябре я официально перестал быть твоим опекуном, все равно продолжаю чувствовать за тебя ответственность. Мне было удобно брать тебя с собой в поездки как мальчика и обращаться как с младшим братом, а не как с сестрой, но мы не можем закрывать глаза на то, что ты женщина, совсем еще молодая. И есть вещи, которые молодым женщинам делать не пристало. Будь ты юношей, как мне всегда того хотелось, все сложилось бы иначе, но ты не юноша, так что это невозможно... абсолютно невозможно. – В его голосе слышалось сердитое раздражение.

Диана закурила сигарету и с громким смехом развернулась:

– Обри, если бы я не прожила с тобой всю свою жизнь, то твоя братская забота могла бы произвести на меня впечатление, я даже подумала бы, что ты говоришь это искренно. Но я тебя знаю, знаю, что тобой движет вовсе не тревога за мою судьбу, а нежелание путешествовать в одиночку, без меня. Ты привык, что я избавляю тебя от определенных досадных мелочей и неудобств, которые неизменно возникают в пути, и теперь ты зависишь от меня. В Бискре ты вел себя честнее, когда просто возражал против моей поездки, не объясняя причин. Почему, скажи на милость, ты ждал сегодняшнего

вечера, чтобы сообщить мне о них?

– Я надеялся, что хотя бы здесь у тебя хватит ума самой это понять. В Бискре спорить с тобой было бесполезно. Ты все устроила вопреки моим желаниям. Я не стал вмешиваться, поскольку считал, что, оказавшись здесь, ты все-таки осознаешь невозможность своего замысла и сама увидишь, что это просто исключено. Диана, откажись от этого безумного путешествия.

– Не откажусь.

– Я твердо решил заставить тебя сделать это.

– Не получится. Отныне я сама себе хозяйка. Ты не имеешь никакого права указывать мне. Никакой власти надо мной. Ты даже не испытываешь ко мне обычных родственных чувств, никогда не проявлял их и не вправе ожидать от меня того же. Нам не стоит больше притворяться на этот счет, и я с тобой спорить не стану. Я не вернусь в Бискру.

– Если ты боишься, что над тобой посмеются... – ухмыльнулся он, но сестра тут же осадил его:

– Я не боюсь быть осмеянной. Только трусы этого боятся, а я не трусиха.

– Диана, будь благоразумна!

– Обри! Я сказала свое последнее слово. Ничто не изменит моего решения отправиться в это путешествие. Твои аргументы меня не убедят, и ты об этом знаешь. Ты руководишься исключительно собственными интересами. И отрицать это бессмысленно.

Они сидели за маленьким столиком друг против друга. От возмущения на лице сэра Обри проступил сердитый румянец, монокль выпал и с резким звоном ударился о пуговицу жилета.

— Какой же ты упрямый маленький чертенок! — в ярости воскликнул он.

Диана смерила его пристальным взглядом, презрительно поджав губы, точь-в-точь как ее брат.

— Я такая, какой создал меня ты, — медленно проговорила она. — Какой смысл спорить с плодом своего же воспитания? Ты научил меня игнорировать все ограничения, присущие моему полу, а теперь попрекаешь меня ими же? Всю мою жизнь ты служил для меня примером себялюбия и упрямства. Так почему же ты удивлен, что я приняла это к сведению? Ты сделал меня такой же несгибаемой, как и ты, а теперь изумляешься моей решительности, которую сам же во мне воспитал? Это нелогично, Обри. Ты во всем виноват, не я. Столкновение между нами было неизбежно. Просто оно произошло раньше, чем я ожидала, вот и все. Вплоть до сего момента наши предпочтения совпадали, но теперь, похоже, каждому придется идти своей дорогой. Я уже говорила, что сама себе хозяйка, и не потерплю вмешательства в свои дела. Пожалуйста, усвой это хорошенько, Обри. Не желаю больше пререкаться с тобой. Я, как и обещала, приеду к тебе в Нью-Йорк. Не в моих привычках нарушать данное слово, но я сама разберусь со своей жизнью и буду жить так,

как хочу только я сама. Буду делать то, что решу, тогда и как мне того захочется, и никогда не подчинюсь ничьей воле, кроме своей собственной.

Сэр Обри вдруг прищурился.

– Тогда мне остается лишь уповать на Небеса, чтобы однажды нашелся мужчина, который заставит тебя подчиниться себе! – в сердцах воскликнул он.

Ее надменный рот искривился в еще более презрительной усмешке.

– Без помощи Небес ни один мужчина с этим точно не справится! – язвительно бросила она и вернулась к себе в палатку.

Но когда Диана осталась одна, ее гнев сменился весельем. В конце концов, чтобы вывести ленивого Обри из себя, требовалось нечто особенное. Она прекрасно знала, какую обиду брат затаил на нее во время этих последних недель в Бискре. Он постоянно путешествовал, часто в далекие и дикие места, но привык ездить с комфортом и терпеть лишь минимальные неудобства. Обри старался себя не перетруждать, и все трудности неизбежно сваливались на более молодую и не такую равнодушную Диану. Она всегда осознавала, зачем была нужна брату и насколько облегчала ему жизнь. Возможно, в глубине души Обри возмущало неразумное поведение младшей сестры, возможно, он даже чувствовал уколы совести из-за того, что воспитал ее такой, но в первую очередь его заботили мысли о собственном комфорте. Диана прекрасно

об этом знала, и такое положение дел никак не способствовало зарождению добрых чувств к брату. Он всегда был и будет в высшей степени эгоистом. Вся их совместная жизнь строилась таким образом, чтобы удобно было ему, а не ей.

К тому же девушка знала, почему Обри хотелось, чтобы она непременно составила ему компанию во время поездки в Америку. Он собирался на охоту, но не на ту, к которой они оба привыкли, — на этот раз сэру Обри предстояло пересечь океан не ради крупной дичи. Его целью была женщина. С некоторых пор он воспринимал женитьбу как неизбежную и не особенно приятную необходимость. Женщины ему наскучили, а мысли о браке вызывали отвращение, но Обри нужен был сын, продолжатель рода Майо. Требовался наследник для огромного состояния, которым их семья владела уже несколько столетий. До сих пор ни одна из женщин не покорила его сердце, но американки вызывали меньше всего раздражения, поэтому именно в Америке он собирался искать себе жену. Сэр Обри намеревался снять на несколько месяцев дом в Нью-Йорке, а затем в Ньюпорте, поэтому ему так необходимо было общество Дианы. Она смогла бы избавить его от бесконечных забот, ей и Стивенсу он мог поручить все приготовления. Приняв решение покончить, причем как можно скорее, с этим делом, которое расценивал как жертву на алтарь семейного процветания, сэр Обри был крайне возмущен вмешательством сестры в его планы. Впервые их желания пошли вразрез, и сейчас, при воспоминании

об этом, Диана нетерпеливо дернула плечами и состроила недовольную гримасу. Еще совсем немного, и все скатилось бы в вульгарную ссору. Она решительно прогнала из своих мыслей Обри с его самолюбием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.